

Заключение

Изучение литературной истории Путешествия Николая Радзивилла и проведенный сравнительно-типологический анализ памятника в контексте «хождений» Средневековья и раннего Нового времени позволяют не только обобщить сделанные наблюдения, но и наметить возможные пути дальнейшего исследования оригинальной и переводной восточнославянской паломнической литературы этого времени, т. к. формальное изучение поэтики «хождений» себя исчерпало. На наш взгляд, залогом дальнейшего успешного исследования жанра остается изучение литературной истории отдельных памятников. Наглядно это видно на примере новейшего критического издания текста Хождения Иоанна Лукьянова, исследователи и издатели которого справедливо указывают, что реконструированная ими литературная история произведения и издание текстов выявленных редакций становятся надежной основой для дальнейшего исследования памятника.¹ Однако восстановление рукописной традиции знаковых для истории жанра «хождений» произведений, сохранившихся в многочисленных списках, — Хождения игумена Даниила и Трифона Коробейникова, Проскинитария Арсения Суханова — дело будущего. Но даже при современном состоянии изучения и издания паломнических текстов у специалистов есть возможность углубить представление об особенностях этой формы средневековой книжности. Для этого, на наш взгляд, нужно перестать воспринимать тексты опубликованных списков как «канонические» («архетипные») для литературной истории памятников, а характерные для них (или отражаемого ими *вида* текста) особенности переносить на весь жанр. При изучении жанровых особенностей памятника необходимо во всей полноте учитывать его литературную историю: редак-

¹ Ольшевская Л. А., Решетова А. А., Травников С. Н. Археографический обзор списков и редакций «Хождения в Святую землю». С. 530.

ции текста или его варианты, а при возможности — и индивидуальные чтения списков.²

Высказанное мнение не претендует на абсолютизацию текстологического метода исследования «хождений» и, безусловно, дискуссионно, однако, как нам кажется, позволяет отойти от преобладающего в современной науке схематичного представления об этом жанре³ и начать формировать его «объемную» картину.

* * *

Только выявленными в ходе исследования сходства и различия Путешествия Николая Радзивилла и восточнославянских «хождений» не ограничиваются. Для полноты картины обратим внимание на ряд дополнительных моментов, с одной стороны, еще более проявляющих своеобразие переводного памятника, с другой, — демонстрирующих его типичность среди паломнических текстов, какими они сформировались

² В качестве примера обратим внимание на характеристику Хождения Трифона Коробейникова, данную А. А. Решетовой: «„Хождение“ московского купца представляет собой *образец* паломнического сочинения, которое *отвечало всем требованиям жанра и идеально воплощало* черты, характерные для этого рода литературы» (Решетова А. А. Древнерусская паломническая литература XVI—XVII веков (история и поэтика). С. 293 (курсив в тексте мой. — И. Ф.)). Если бы известный по публикации Х. М. Лопарева текст Хождения Трифона Коробейникова был «образцом» и «отвечал *всем* требованиям жанра», то он не подвергся бы тем изменениям, которые были выявлены и описаны его издателем, что показано в текстологических комментариях к опубликованному тексту Простой полной редакции Хождения по списку РНБ, Q.XVII.44. Подчеркнем, что текст этого списка сам издатель называл всего лишь «хорошим» (Хождение Трифона Коробейникова. С. XL, № 4), а о том, что с выбором основного списка для издания у него были проблемы, свидетельствуют подготовительные материалы, сохранившиеся от работы над изданием Хождения Трифона Коробейникова (см. тетрадь «I путешествие Тр. Коробейникова 1582 года» и дневник исследователя «Хождение Хрисанфа Лопарева по мукам» (РНБ, собр. ОЛДП, F.133)). Стоит напомнить, что В. В. Буш подверг критике Х. М. Лопарева именно за выбор основного списка, отразившего, по его наблюдениям над текстами найденных им списков памятника, обработку текста архетипа (см.: Буш В. В. К вопросу о «Хождении Трифона Коробейникова» // Сб. ст. в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 154—156).

³ Начало изучению жанрового своеобразия средневековых «хождений» положено работами В. В. Данилова и Н. И. Прокофьева, в которых указаны следующие «качественные признаки, придающие своеобразие этому жанру»: объект изображения, зависимость «хождений» от греческих путеводителей, однообразие стиля «сухого, протокольно-безразличного», краткость и стандартность формы, «официозное происхождение, сужавшее круг интересов авторов», определенный тип повествователя и преобладание монолога как «типа очерковой формы повествования»; принцип правдивого описания, построенный на личном опыте повествователя; цитирование библейских и библейско-легендарных текстов (см.: Данилов В. В. О жанровых особенностях древнерусских «хождений». С. 21—36; Прокофьев Н. И. «Хождения» как жанр в древнерусской литературе. С. 3—24).

в древнерусской книжности к последней трети XVII в., времени перевода памятника в Московской Руси, и началу XVIII в., когда перевод продолжал распространяться в рукописях.

Одной из отличительных особенностей жанра «хождений», начиная с XVI в., исследователями признается проникновение в его структуру документализма. Во многом этому способствовало то, что принадлежащие этому времени Хождения Василия Позняка и Трифона Коробейникова изначально являлись посольскими отчетами, которые в их последующей литературной истории были адаптированы редакторами к форме паломнического текста.⁴ Показательна в этом отношении и ситуация, сложившаяся в XVII в. Первая часть Проскинитария Арсения Суханова уже полностью выполнена в форме статейного списка — отчета посла.⁵ А название еще одного памятника паломнической литературы XVII в. — Челобитной Василия Полозова, — как отметила О. А. Белоброва, «не оставляет сомнения у читателя, что перед ним документальный памятник». Исследовательница подчеркнула, что форма челобитной выдержана на протяжении всего этого произведения.⁶ Однако эта особенность текста не помешала О. А. Белобровой отметить в нем ряд черт, характерных именно для «хождений».⁷ Особенности памятника, свойственные как его

⁴ Напомним о том, что в одном из списков Хождения Василия Позняка — РГБ, ф. 205 (собр. ОИДР), № 214 — текст начинается грамотой «благовѣрнаго царя и великаго князя Ивана Васильевича» патриарху Александрийскому Иоакиму (Хождение купца Василия Позняка по святым местам Востока. С. 1—4). Ее текст В. П. Адрианова-Перетц рассматривала как «образец московской риторики середины XVI в.» ([Адрианова-Перетц В. П.] Путешествия XVI в. // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 512). Х. М. Лопарев, несмотря на «неудовлетворительность» этого списка, считал, что именно он «в большей чистоте и правильности сохранил для нас книгу смоленского купца» (Хождение купца Василия Позняка по святым местам Востока. С. XVII).

⁵ См.: Проскинитарий Арсения Суханова. С. 1—3.

⁶ Белоброва О. А. Черты жанра хождений в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII века. С. 259. Обратим внимание на то, что название памятника, принятое в науке, следует за его рукописной традицией. Так, в списке РГБ, ф. 205 (собр. ОИДР), № 196 памятник назван «Челобитье Федору Алексеичу костромитина Василия Полозова»; в списке БАН, собр. Текущих поступлений, № 104 текст начинается фразой «А в челобитной его пишет» (Чумаченко Э. Г. Путешествие В. В. Полозова по странам Ближнего и Среднего Востока в 70-е годы XVII в. С. 210, 219). В тексте списка РНБ, собр. СПбДА, № 432 (Второй («посольский») вид первой редакции), опубликованного О. А. Белобровой, читается название «Список челобитной» (Белоброва О. А. Черты жанра хождений в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII века. С. 266).

⁷ Там же. С. 265. О. А. Белоброва подчеркивала, что Челобитная, «несмотря на избранный форму послания царю Феодору Алексеичу, ближе к обычному типу паломничества» (Там же. С. 264. Курсив мой. — И. Ф.). Наблюдения исследовательницы над литературной историей памятника показали, что черты «хождений» в тексте «развиваются, изменяются, дополняются» (Там же. С. 260).

форме, так и структуре и содержанию, отразились в определении наукой жанра этого произведения как «хождения в форме челобитной» или как «хождения—челобитной»,⁸ что свидетельствует о начале формирования разных видов паломнического текста еще в литературе эпохи Средневековья, — тенденции, развившейся в Новое время.⁹

С другой стороны, документализация паломнического текста находилась в русле общелитературных изменений XVI—XVII вв., когда в литературу стали проникать жанры деловой письменности, связанные с процессом секуляризации, с трансформацией традиционных средневековых жанров и возникновением новых литературных форм.¹⁰ Эта тенденция получила продолжение в Новое время. Так, если Арсений Суханов в Статейном списке только оставил сообщение о получении в Яссах проезжей грамоты,¹¹ то в Третьей редакции Хождения Иоанна Лукьянова с нее начинается повествование.¹² Текстом «фирмана» открывается Путешествие Андрея Игнатъева и его брата Стефана 1707 г.,¹³ а в Пелгримации Ипполита Вишенского содержание документа пересказано, но сохранены его содержательные и стилистические особенности.¹⁴ В XIX в. палом-

⁸ Чумаченко Э. Г. Путешествие В. В. Полозова по странам Ближнего и Среднего Востока в 70-е годы XVII в. С. 218.

⁹ Составить впечатление о жанровом разнообразии русской паломнической литературы XIX в. можно по каталогу: Stavrou T. G., Weisensel P. R. Russian travelers to the Christian East from the twelfth to the twentieth century. P. 132—721.

¹⁰ См., к примеру, об этом: Лухачев Д. С. Повести русских послов как памятники литературы. С. 320—321; История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 452—454.

¹¹ Проскинитарий Арсения Суханова. С. 6.

¹² Ольшевская Л. А., Решетова А. А., Травников С. Н. Археографический обзор списков и редакций «Хождения в Святую землю». С. 518.

¹³ «Сицевой дань бысть ферманъ от везиря, преведень съ ихъ турецкаго языка, кромѣ ихъ турецкихъ титуловъ: „Петръ Андреевичъ Толстой, посоль Московский, имѣючи въ своемъ сараѣ (дворцѣ) единаго священника, который ему служить, послалъ арзусаль до моей Порты, сказуючи, что ево крестовый священникъ съ двумя слугами хоцетъ ити во Иерусалимъ, еже бы совершити своя обѣты святому мѣсту; повелѣваю, чтобы не платить имъ харачю никому подь притворствомъ (подь видомъ) подарунку, ниже мало что ни во Святой Портѣ (разумѣется св. врата Иерусалимскаго храма), ниже въ мѣстѣ, именуемомъ Иорданъ, по нашему ахтинаме; такимъ же образомъ и въ возвращении его учинено будетъ. Того ради да будетъ подана повольность священнику Московскому и его товариществу ити до мѣста святаго совершити свои обѣты, такъ чтобы въ путешествии ихъ, въ возвращении, во Иерусалимъ и въ прочихъ мѣстахъ, не платили они пошлины харачю. Я повелѣваю, чтобы мои сии вышереченныя слова исполнить и слушать противъ нашего ахтинаме» (Леонид (Кавелин), архим. Паломники-писатели Петровского и послепетровского времени. С. 27).

¹⁴ «Сей же резидентъ Петръ Андреевичъ Толстой справилъ мнѣ ферманъ, сирѣчь прохожее письмо, отъ царя Турецкаго чрезъ вѣйзѣра великаго и с подписомъ руки царской и с печаттю его, же во всемъ его царствѣ, до Афонскихъ горъ, до Египту, до Синай горы, до Антиохи, до Дамаску, до Иерусалиму и где схочешъ быть у его землѣ, же бы нѣхто нѣгде, ни в городахъ, нѣ в селахъ, ни на мору, нѣ по скалахъ, ни на пристанехъ, у Яфи, у Ерусала-

ники «выправляли» паспорта уже в Одессе, откуда морем отправлялись в Константинополь, о чем некоторые из них оставили сообщение в своих описаниях.¹⁵

В Путешествии Николая Радзивилла включено сразу несколько документов, что позволяет образно назвать памятник «литературным архивом» богомолья, предпринятого князем. В произведении приведены выданная пилигриму проезжая грамота от папы Григория XIII (л. 12 об.—13) и грамота от турецкого султана Мурада III, призванная обеспечить князю беспрепятственный проезд через Константинополь (л. 159—159 об.), а также документы, относящиеся к сборам в паломничество (грамоты-благословения папы Григория XIII от 1578 г. (л. 8 об.) и 1583 г. (л. 12—12 об.)), «листъ», полученный князем от Святогробского братства (л. 45—46), и ответная грамота (л. 46 об.—47 об.), подтверждающая выделение Радзивиллом ежегодного содержания на Гроб Господень. Желая помочь иерусалимской «церкви святой», князь обещал «побуждать» к помощи храму Гроба Господня и своих соотечественников, для

лимъ, у Гроба Божия, на Иердани, ниhto горячу не брать, нѣ мита, нѣ поголовщини, нѣ пашамъ, нѣ агамъ, супашамъ, каймаканомъ, старшимъ и меншимъ, нѣгдѣ нѣчого не дать подь смертною казною, аще хто не послушаетъ писма. И въ томъ писмѣ написать и слугу моего и толмача, же бы за ихъ не платити. И той листъ до рукъ мнѣ отдано» (Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон. С. 13—14). Такого рода документы предоставляют исследователям возможность реконструировать обстоятельства паломничества. Так, С. П. Розанов, комментируя приведенное Вишенским содержание «фирмана», предположил, что паломник мог получить его благодаря посылкам и рекомендательному письму архиепископа Иоанна Максимовича (Там же. С. 123, примеч. 12).

¹⁵ В XIX в. паспорт паломника представлял собой гербовый двойной лист размером 44×27 см., где с одной стороны по-русски, с другой — по-немецки был приведен текст, содержание которого близко «проезжим листам», включенным в текст Путешествия Николая Радзивилла и описаний писателей-паломников Петровского времени. Так, к примеру, Матвей Нечаев писал: «...и дадутъ каждому турецкое письмо, съ печатями; и запишуть въ томъ письмѣ имя и отечество съ признаками; то уже свободно съ тѣмъ письмомъ ѣхати въ турецкой землѣ, а письмо греки называютъ харачъ, а по-турецки кегарды или тягать» (Путешествие посадского человека Матвея Гаврилова Нечаева в Иерусалим. С. 8). Жиздринский купец Анисим Симоченков сохранил паспорт в своем путевом дневнике (1857—1858 гг.), его текст гласит: «По указу Его Величества Государя Императора Александра Николаевича, самодержца Всероссийскаго, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляется чрезъ сие всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что показатель сего, жездринский мещанинъ Анисимъ Симоченковъ, отправляется въ Иерусалимъ для поклонения св. мѣстамъ срокомъ на двадцать девятое мая 1858-го года. Того ради всѣ высокия области приглашаются по состоянию чина и достоинства, кому сие предъявится, Нашимъ же воинскимъ и гражданскимъ управителямъ представляется въ обязанность Симоченка, какъ нынѣ изъ России ѣдущаго, такъ и потомъ въ Россию возвращающагося, не токмо свободно и безъ задержания вездѣ пропускать, но и всякое благоволение и вспоможение оказывать. Во свидетельство того и для свободнаго проѣзда данъ сей паспортъ Одесскаго градоначальника съ приложениемъ Его Императорскаго Величества печати» (РНБ, собр. П. Н. Тиханова, № 827, л. 1).

чего в тексте Путешествия приведено обращение главы ордена францисканцев ко «всѣмъ всего королевства Полскаго, Великаго княжества Литовскаго почтеннѣйшымъ о Христвѣ оцемъ и пресвѣтлымъ княземъ, и великороднымъ боляромъ, и честнымъ господамъ» (л. 48).

Еще одной характерной чертой паломнического текста, проявившейся уже у игумена Даниила, является включение в повествование апокрифических легенд. В эпоху Средневековья они передавались паломниками в форме топографических заметок,¹⁶ в которых сюжет лаконично обозначался или содержался только намек на него: «И есть отъ вратъ градныхъ сажень 8 до мѣста, идѣже Охония жидовинъ хотѣ съврещи тѣло со одра святыя Богородица, егда несяхуть е погребать апостоли въ Гепсиманию, и утя ему ангель обѣ руцѣ мечемъ».¹⁷ Эта особенность паломнического текста проявилась и в Путешествии Николая Радзивилла. Так, во время посещения монастыря Креста он вспоминает «предание (<...> от древних прародителей, понеже оттоле бѣ взято древо масличное на крестъ Господень, яко показываютъ ему под олтаремъ великимъ, откуда бѣ выкопано» (л. 59). В описании князя отразилась западная версия так называемой Крестной легенды, называющей масличное древо деревом, из которого было сделано распятие Спасителя. Это предание о построении мона-

¹⁶ Определение «топографическая заметка» для передачи апокрифических легенд в «хождениях» принадлежит А. Н. Веселовскому (*Веселовский А. Н.* К вопросу об образовании местных легенд в Палестине. С. 173). Эта особенность «хождений» до сих пор не учитывается при изучении поэтики жанра, при том что она, на наш взгляд, является одной из характерных черт паломнических текстов эпохи Средневековья.

¹⁷ Житье и хоженье Данила, Русьскыя земли игумена. С. 35. Этот апокрифический рассказ о «жидовине», взявшемся за одр Богоматери, известен паломническим текстам не только Средневековья, но и Нового времени. Приводимые в «хождениях» этого периода варианты легенды отличаются большей разработанностью сюжета и осложнением его историей исцеления Афонии после уверования во Христа, что можно наблюдать уже в тексте Хождения игумена Даниила по списку нач. XVIII в. ГИМ, Синодальное собр., № 811, где легенда, передаваемая Второй редакцией памятника, расширена вставкой: «И отсѣче ему Господь пламеннымъ мечемъ обѣ руцѣ. И абие помолиси апостоломъ, и молитвами ихъ исцѣленъ бысть, и бысть Аффоней христианинъ» (*Веневитинов М. А.* Перелетка Хождения игумена Даниила в сборнике св. Димитрия Ростовского. С. 11). Для сравнения приведем фрагмент из «Путешествия во святыи градъ Иерусалимъ изъ России въ 1818 годъ» Якимъ Васильева: «И от того места идти на ночь къ городскимъ польдненнымъ воротамъ Сионскимъ. Не дойдя оныхъ воротъ, есть место, где Амони жидовинъ хотель гробъ Богородицинъ с теломъ ея опрокинуть, когда несли на погребение. Тогда ангель Господень, прикоснувшись его рукамъ невидимо, обе его руки по локоть отрубилъ, и обе руки его повисли на гробе, а онъ от великой болезни закричалъ необыкновенно. Тогда Петръ апостоль рекъ ему: „Естли ты поверишь, что рожшейся от нея Христосъ есть Богъ, то и руки твои изъцелеютъ“. Тогда онъ воскричалъ от всего сердца: „Верую Иисуса Христа быти Бога истиннаго!“ Тогда апостоль повеле ему къ рукамъ висящимъ приложити свое руки. Какъ скоро приложилъ, то и прирости по-старому, и болезни избавился. Толко видь былъ отрубленныхъ мѣсть препоясани черныя» (РНБ, собр. А. А. Титова, № 889, л. 13 об.).

стыря на месте возрастания Крестного дерева известно восточнославянской паломнической литературе начиная с Хождения игумена Даниила (см. комментарий к л. 59), но ни он, ни последующие паломники Древней Руси саму легенду не приводили, ограничиваясь сообщением типа того, что передает текст Хождения Трифона Коробейникова: «На полунощную страну монастырь стоит Воздвиженье честнаго креста, гдѣ росло древо животворящаго креста, на немъже Христоръ распятся».¹⁸ Впервые предание о Крестном дереве встречаем в русском переводе 1531 г. «Поклоненья св. града Иерусалима», а с Петровского времени паломники вносят в свои тексты различные варианты этого апокрифа с разработанным сюжетом.¹⁹ Также «хождениям» Средневековья не известна легенда о благочестивом разбойнике, которую кратко упоминает князь Радзивилл, проходя мимо селения Латрун: «По лѣвой руцѣ на горѣ суть части разоренаго града, славять его городокъ добраго разбойника, в которомъ тотъ святой разбойникъ родился» (л. 79 об.). И только в сохранившемся фрагменте анонимного «хождения» нач. XVIII в. «Сказание путешествия от Константинополя до святаго града Иерусалима» впервые в восточнославянской паломнической литературе передано само предание (см. комментарий к л. 79 об.).

Реконструкция репертуара сюжетов апокрифических легенд и характеристика особенностей их передачи «хождениями» требуют специальной разработки, т. к. это позволит не только охарактеризовать круг сюжетов, известных нашим паломникам XII—XIX вв., но и, как уже было отмечено В. П. Адриановой-Перетц,²⁰ поможет выявить особенности конкретного памятника или памятников определенной эпохи, а через них может ярче проявиться и жанровое своеобразие паломнического текста как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах его развития.

В связи с этим укажем еще одну особенность содержания «хождений», продиктованную целью жанра — свидетельствовать истину о местах, где проходила земная жизнь Христа и в подражание ему совершали духовный подвиг святые отцы и жены, о которых паломники, как правило, знали еще до посещения Святой Земли благодаря переводным житиям, патериковым рассказам и литургическим текстам. Этим мотивировано включение в «хождения» реминисценций из житий святых христианского Востока. Предпринятый нами анализ «хождений» показывает, что с XII по XIX столетие для паломнических текстов характерен

¹⁸ Хождение Трифона Коробейникова. С. 34.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Федорова И. В. Апокрифы и исторические предания в русской паломнической литературе XII—XIX вв. I: Апокрифы о Крестном дереве // Русская литература. 2012. № 3. С. 88—107.

²⁰ Адрианова В. П. Пелгримация Ипполита Вишенского в новом издании Православного Палестинского общества. Пг., 1915. С. 22—23.

определенный набор агиографических сюжетов, обусловленный выработанным маршрутом, которым проходили странники разного времени по святым местам. Текстуральные особенности памятников убеждают в том, что авторами преимущественно использовались не книжные источники, а устные рассказы проводников.²¹ Среди таких повторяющихся в «хождениях» агиографических сюжетов можно назвать реминисценции из Житий Саввы Освященного и Марии Египетской, Георгия Победоносца и Пелагеи Антиохийской, патериковой легенды о Герасиме Иорданском.²²

В Путешествии Николая Радзивилла палестинская агиографическая тема развития не получила: наиболее часто в своем произведении князь вспоминает о деяниях святой царицы Елены, которую «церковь Иерусалимская въ великой имѣть чести. (...) кто токмо былъ в Земли Святой, исповѣсть тоя царицы великую святость и всякое должное почитание: яко егда в самой токмо Палестинѣ едва не триста церквей каменных поставила» (л. 36). В «хождениях» эпохи Средневековья, а также Нового времени реминисценции из Жития Константина и Елены касаются истории обретения святой царицей Животворящего Креста: «...и на той Голгофѣ, идѣже Спаситель нашъ распялся, благочестивая царица Елена, по совѣту сына своего, перваго христианскаго царя Константина, на мѣстѣ краниевѣ созда церковь преславну, — пишет Арсений Суханов и добавляет: — И ту церковь, въ латинскихъ книгахъ пишутъ, называютъ ее церковь святыя Елены, понеже на томъ мѣстѣ стояла, егда обрѣла крестъ Христовъ. Изъ той церкви, изъ алтаря на низъ, просѣчено окно, и у того окна сдѣланы каменные кресла о трехъ ступеняхъ. Тутъ, сказываютъ, сидѣла царица Елена, въ кое время искала креста Христова».²³

²¹ Этому аспекту исследования «хождений» был посвящен наш доклад «Агиографические сюжеты в описаниях русских паломников XII–XIX вв.»; см.: Волков А. В. Четвертые Лихачевские чтения: Международная научная конференция «Актуальные проблемы изучения славяно-русской агиографии» // Русская литература. 2012. № 3. С. 230–231.

²² В Иорданской пустыне паломники посещали монастыри святых отцов, среди которых — расположенная недалеко от впадения Иордана в Мертвое море лавра Герасима Иорданского, преподобного, известного большинству верующих не столько как основатель монастырей, славящихся строгостью устава (память 4 марта, в византийской традиции — 20 марта), сколько по легенде из Синайского патерика о его встрече со львом: «...близъ Содомскаго моря есть монастырь святаго Герасима, — сообщено в анонимном „Иерусалимском хождении“ XV в., — у него же звѣрь левъ жилъ; есть и гробъ святаго Герасима за олтаремъ есть, а звѣрь той левъ, что ему работаль, въ ногахъ у него погребеньъ лежитъ» (Хождение Игнатия Смолнянина. С. 22). Об этом же читаем в Хождениях Агрефения, инока Зосимы, Василия Познякова, Трифона Коробейникова и Проскинитарии Арсения Суханова, а также в древнерусских переводах «Путника о граде Иерусалиме» и «Повести к пользе слышавшим и прочитающим».

²³ Проскинитарий Арсения Суханова. С. 125, 143. М. А. Веневитинов, исследовавший текст Хождения игумена Даниила, предполагал, что нашему паломнику XII в. было известно, если не в подлиннике, то в пересказе проводников, «житие Константина и Еле-

В отличие от апокрифических легенд и агиографических сюжетов, исторические предания в повествовательное поле «хождений» начинают включаться только с XVI столетия, с Хождения Василия Познякава (затем повторенные в тексте Хождения Трифона Коробейникова). Проникновение исторических преданий в структуру этих памятников определено как политической ситуацией в Святой Земле, с 1517 г. находившейся под властью Османской империи, так и теми миссиями, которые выполняли посольства Познякава и Коробейникова.²⁴ Обратим внимание и на то, что такие предания в паломнических текстах имеют разработанный сюжет, в котором мотивированы поступки героев и включены их диалоги, придающие повествованию динамизм и эмоциональную напряженность.²⁵ Как уже было замечено ранее, тема преданий, читающихся в этих произведениях, — как правило, прение о вере.²⁶ Ей же посвящены

ны, с росписью построенных ею церквей» (*Веневитинов М. А.* Заметки к истории Хождения Даниила игумена. III: Текст Макариевского I-го списка в издании А. С. Норова. С. 61–62).

²⁴ В данном случае не будет лишним напомнить предысторию отправления Василия Познякава в составе посольства на Восток: в 1558 г. в Москву прибыло посольство от александрийского патриарха Иоакима и архиепископа Синайской горы Макария с прошением к царю о милостыне для поддержания обители. Восточные старцы также рассказали о чуде, свершившемся с патриархом Иоакимом, когда в споре с иудеем об истинности христианской веры он выпил приготовленный противником яд и остался невредим. Со слов Александрийского патриарха Иоакима Василием Позняковым был записан не только этот рассказ, но и еще одно чудо, связанное с церковью св. Николы. Оба рассказа свидетельствовали о притеснениях христианской церкви от «неверных» и подтверждали рассказы старцев, переданные в Москве (см.: Хождение купца Василия Познякава по святым местам Востока. С. II–III). Трифон Коробейников был в составе посольства, отправленного царем Иваном Васильевичем с милостыней за упокой души царевича Ивана (Хождение Трифона Коробейникова. С. II).

²⁵ В. П. Адрианова-Перетц считала, что в XVI в. сам тип средневекового «хождения», сохранив характерные для него жанровые признаки, видоизменился — после того, как в Хождения Василия Познякава и Трифона Коробейникова вошли «официальные документы в виде посланий, грамот и статейных списков и развитые повести с бытовыми, историческими и легендарными сюжетами» (*Адрианова-Перетц В. П.* Путешествия XVI в. С. 515).

²⁶ Такие сюжеты «хождений» являются вариантами известного в мировой литературе сюжета о состязании христианина с язычником и приурочены к определенным историческим временам и лицам: у Василия Познякава и Трифона Коробейникова — к патриарху Александрийскому Иоакиму, у Василия Гагары — к временам безымянного александрийского «епископа». Об этом см.: *Веселовский А. Н.* Заметки по литературе и народной словесности // Приложение к 45-му тому Записок Императорской академии наук. СПб., 1883. № 3. С. 15–30; Хождение купца Василия Познякава по святым местам Востока. С. 74. В «хождениях» эпохи Средневековья эта тема также отражена в «Слове о кузнеце, иже молитвою сотвори воздвигнутися горе и поврещися в Нил реку» из Хождения Василия Гагары и в русском переводе «Поклоненья св. града Иерусалима», в так называемой легенде о «Кривой Пасхе» 1634 г., которая содержится в Челобитной Василия Полозова, Повести Гавриила Назаретского и Проскинитарии Арсения Каллуди. Эта легенда расска-

предания, включенные в Путешествие Николая Радзивилла: это уникальное для восточнославянской паломнической литературы не только Средневековья, но и Нового времени предание о казне храма Гроба Господня,²⁷ пророчество о падении турецкого владычества в Святой Земле от христиан (см. л. 135), а также уже упомянутые ранее предание об избииении старцев лавры Саввы Освященного и не относящаяся к этой теме легенда о построении мечети Аромеле в Каире.

Однако и в таких исторических преданиях сюжетную коллизию в ряде случаев организует библейская цитата. Так, завязкой сюжета в «Повести александрийского патриарха Иоакима о жидовине», помещенной в Хождениях Василия Познякава и Трифона Коробейникова, являются слова Евангелия «Аще и что смертно испиють, не вредит ихъ» (Мк 16:18), на которые ссылается в споре с патриархом Иоакимом «врач жидовинъ»: «Правда ли, в вашихъ книгахъ написано: „Аще что и смертно что испиють, не вредит ихъ?“». ²⁸ Назовем также легенду, читающуюся в Хождении Василия Гагары и русском переводе проскинитария «Поклоненья св. града Иерусалима», о башмачнике, сдвинувшем гору; она восходит к словам Господа о том, что имеющий веру с зерно горчичное может переставлять горы (Лк. 17: 6; Мк 11: 23; Мф. 21: 21).²⁹

Библейская цитата является еще одной характерной чертой «хождений», организующей повествование о святынях и реликвиях Святой Земли, т. к. само паломничество в нее — «это как бы новое чтение текстов Священного Писания». ³⁰ Библейская цитата может быть по-разному представлена не только в различных «хождениях», но и в редакциях и вариантах одного произведения. Как уже отмечалось, наиболее богатый цитатный пласт характерен для Хождения игумена Даниила, которое в этом отношении изучено лучше других памятников. Исследование библейских цитат Хождения было начато в издании произведения

зывает об уверении турка, бывшего свидетелем схождения света небесного к греческому патриарху через колонну храма Гроба Господня, случившегося в ходе конфессионального конфликта греков и армян. Сюда же отнесем особое предание, услышанное Василием Полозовым, о камне, на котором при въезде в Иерусалим Спасителя отразились «стопы жребцовы»; позднее он оказался в мусульманской мечети, где «взялся на воздух от поганных турок, что они на том камени всякую скверну творили» (Чумаченко Э. Г. Путешествие В. В. Полозова по странам Ближнего и Среднего Востока в 70-е годы XVII в. С. 223).

²⁷ Обратим внимание на то, что из общего повествования Путешествия этот сюжет в списках Основной и Евфимиевской редакций выделен пометой на полях: «Сокровище церкви Иерусалимской» (см. л. 44 об.).

²⁸ Хождение купца Василия Познякава по святым местам Востока. С. 9.

²⁹ «...Богъ нашъ, заповѣдавый своимъ апостоломъ, глаголя: аще имате вѣру, аки зерно горошно, и не сумняся речете горѣ сей: и востани, и верзися въ реку Ниль, и будетъ вамъ» (Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары. С. 26).

³⁰ *Рождественская М. В.* Образ Святой Земли в древнерусской литературе // Иерусалим в русской культуре / Отв. ред. А. Л. Баталов, А. М. Лидов. М., 1994. С. 9.

А. С. Норовым,³¹ продолжено М. А. Веневитиновым, систематизировавшим наблюдения над материалом.³² Анализ корпуса библейских цитат и реконструкция на его основе богословской структуры Хождения были предприняты М. Гардзанити. Исследователь широко трактует само понятие «библейской цитаты», включая в него не только прямые цитаты и их комбинации, парафразы, но и аллюзии, ссылки на идеи или действительность, толкования идеи или описания действительности (рассказы о событиях или персонажах).³³ Однако в последующей традиции эта особенность текста «архетипа» жанра в полной мере не проявилась. Как отмечают исследователи, наиболее характерен для «хождений» прием цитирования Писания по памяти.³⁴ Однако объем библейского цитирования в «хождениях» XIV—XVII вв. невелик,³⁵ хотя М. А. Голубцова находила цитаты из Писания в тексте Хождения Василия Познякова «многочисленными». ³⁶ Судя по тому, как неоднородно этот пласт присутствует в тексте известных списков памятника,³⁷ а также учитывая, что в так называемой второй (интерполированной) группе списков Простой полной редакции Хождения Трифона Коробейникова текст, заимствованный из Хождения Василия Познякова, расширен цитатами из Библии,³⁸ книжникам в этих произведениях не хватало такого рода материала. Интересно в этой связи обратить внимание на список Хождения игумена Даниила нач. XVIII в. ГИМ, Синодальное собр., № 811,

³¹ См. комментарии к тексту в издании: Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII-го века. С. 9, 31—32, 36, 60—61, 66—67, 82—84, 88—91, 97—98, 102—103, 112, 137, 149, 156—159.

³² См. Житье и хоженье Данила, Русьскыя земли игумена. С. 245—247 (Указатель мест Священного Писания, на которые сделаны ссылки в настоящем издании).

³³ *Гардзанити М.* У истоков паломнической литературы Древней Руси. С. 290—291, примеч. 3.

³⁴ На примере Хождения Василия Познякова об этом см.: *Голубцова М. А.* К вопросу об источниках древнерусских хождений во Святую Землю. С. 48.

³⁵ В данном случае мы не учитываем вторую часть Проскинитария Арсения Суханова, насыщенную цитатами из Евангелия.

³⁶ Говорить о «многочисленности» цитат Священного Писания в Хождении Василия Познякова можно в его сравнении с Хождениями предшествующего времени — Агрефения, Зосимы и Варсонофия. Укажем также и на то, что изначальная форма посольского отчета описаний Василия Познякова и Трифона Коробейникова также не способствовала многочисленности и развернутости библейских цитат в их текстах.

³⁷ См., к примеру, пространную вставку в текст списка РГАДА, ф. 181 (собр. МГАМИД), № 145, распространяющую чтение «и на томъ камени вообразишася стопы Христовы, и нынѣ лежитъ одна стопа Христова, знать и доньнѣ. Мы же грешнии целовахомъ ее» (Хождение купца Василия Познякова по святым местам Востока. С. 60—61, примеч. 2).

³⁸ См., к примеру: Хождение Трифона Коробейникова. С. 35, примеч. 1; С. 40, примеч. 12; С. 41, примеч. 2; С. 53, примеч. 14.

в котором текст Второй редакции памятника редактором сокращен, но при этом расширено цитирование Писания.³⁹

Широкая трактовка библейской цитаты, предложенная для паломнического текста М. Гардзанити на материале Хождения игумена Даниила, позволяет охарактеризовать этот пласт в Путешествии Николая Радзивилла, в тексте которого преобладает не буквальное цитирование Библии, а переложение ее сюжетов, в ряде случаев снабженных библиографической ссылкой. Приведем некоторые примеры: «гдѣ Господь седмию хлѣбы и двема рыбы напита четыре тысящи людей (у Матфеа в главѣ 8)» (л. 30 об.); «Сарефу Сидонскую, о которой глаголетъ Писание в Третиихъ книгахъ Царствъ и Лука Евангелии, глава 14» (л. 19 об.); «Сей градъ лежитъ вскрай горы Кармили, на которой горѣ верху мѣсто показывають, идѣже Илия создалъ бѣ олтарь (в Третиихъ книгахъ Царствъ, глава 10, описаны)» (л. 19 об.); «градъ Балбехъ, идѣже царь Соломонъ созда полату, егда царевну египетскую, дочь фараонову, в бракъ себѣ поемляше (Третиихъ Царствъ, глава 7)» (л. 21); «есть гробъ Авесоломовъ, о которомъ пишетъ во Вторыхъ книгахъ Царствъ» (л. 42).⁴⁰ Заметим, что библиографическая ссылка как прием работы с текстом Писания у средневекового писателя-паломника распространения не получила. Единичные случаи ее использования встречаем в Хождении Агрефения⁴¹ и во второй части Проскинитария Арсения Суханова («Собрано от писаний о граде Иерусалиме»), в которых библиографическая ссылка сопровождает библейскую цитату.⁴² Однако в Ефросиновской редакции Хождения игумена Даниила по списку РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086 (1475 г.) именно библиографическая ссылка является тем активно используемым

³⁹ М. А. Веневитинов объяснял эту особенность текста списка Синод. 811 стремлением книжника «привести въ порядок несвязный рассказ и дополнить его разъясняющими смысл выписками из Священного Писания и других источников, преимущественно апокрифических» (*Веневитинов М. А.* Переделка Хождения игумена Даниила в сборнике св. Димитрия Ростовского. С. 20).

⁴⁰ Ссылки Николая Радзивилла на ветхозаветные книги, Евангелия и Апостольские деяния см. также на л. 21 об., 33 об., 42 об., 58, 63, 63 об.—64, 67 об., 76 об., 80 об.—81, 82, 86.

⁴¹ «Они же съ свѣщами смотрѣша Иисус съ ученики и не оратишас, Иисус же прииде, рече им: кого ищите? Они ж рѣша: Иисуса Назарянина. Рече: Аз есмь, и ту Иуда лобза его и оттуда вѣдоша его въ Иеросалимь, якож рече въ *Святомъ Еуангелии*» (Хождение архимандрита Агрефеня. С. 10); «*Иже рече въ Святомъ Еуангелии*: въ время он воставши Мариамъ, иде в горния съ тщаньем, въ град Иудовъ и в дом Захариинъ и целова Иелиса-вефъ» (Там же. С. 13. Курсив в тексте мой. — *И. Ф.*)

⁴² К примеру: «Иоаннъ же пишетъ евангелисть, во главѣ 19: по сихъ же моли Пилата Иосифъ, иже отъ Аримафеа, сый ученикъ Иисусовъ, потаенъ же страха ради иудейска, да возьметъ тѣло Иисусово; прииде же и Никодимъ, пришедший ко Иисусови нощию прежде, нося смѣшение смиренно и алойно, яко литръ сто» (Проскинитарий Арсения Суханова. С. 146).

приемом, который, наряду с другими редакторскими приемами, позволил Ефросину Белозерскому реализовать свою задачу — передать источник в сокращенном виде.⁴³ Особенно это заметно при сравнении списка РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086 с другими так называемыми сокращенными списками Хождения игумена Даниила конца XV — XVI в., в которых сокращение библейской цитаты или ее изъятие из текста редакторами не оговаривается.⁴⁴

Обратим внимание также на то, что в Путешествии Николай Радзивилл вспоминает библейские сюжеты, не характерные для восточнославянской паломнической литературы. В таких случаях библейский текст Радзивиллом также парафразируется или автор лишь отсылает к его сюжетам и ситуациям. Укажем некоторые из них.

Описывая долину около горы Фавор, князь приводит мнение («нѣцѣи повѣдають»), что с этим местом связано событие, относимое Книгой Бытия к долине Шаве, «что ныне долина царская» (Быт. 14: 17–18), где «Мелхиседекъ Авраама, по избиении царей возвращающагося, в домъ прия и, благословивъ, хлѣбъ и вино ему принесе» (л. 31). В этом сообщении князь Радзивилл, следуя за Книгой Бытия (14: 12–20), вспоминает о том, как возвращавшегося после сражения Авраама встретил и благословил Мелхиседек. Не характерно для «хождений» и указание на «вертеп» Лота, с которым, как сообщает та же Книга Бытия (19: 30), была связана жизнь Лота с дочерьми после их спасения во время разрушения Содома («есть вертепъ, в немъже с дщерми пребываше» (л. 57 об.)). Следует упомянуть и передачу князем рассказа Книги Иисуса Навина (2: 1–20; 6: 22–25) об иерихонской блуднице Раав, которая укрыла двух посланных Иисусом Навином соглядатаев и оказала им помощь при победе, попросив за это сохранить жизнь ей и ее семье. Соглядатаи пообещали, предупредив, что она должна привязать к окну своего дома красную веревку, чтобы израильтяне, придя в Иерихон, не причинили вреда тем, кто находится в этом здании. При завоевании Иерихона Иисус Навин

⁴³ Подробнее об этом см.: *Дмитриева Р. П.* Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 273. См. в Ефросиновской редакции Хождения игумена Даниила: «И, пришедши на мѣсто, святая Богородица узрѣ з горы тоя Сына своего, распинаема на крестѣ, и, видѣвши, ужасеся, и согнуся, и съде, печалью и рыданиемъ одержима. И zde сбьсться пророчество Симеоне, якоже рече Пресвятѣи Богородици: „Сеи лежит на востание и на падение, якоже во Евангулии писано“» (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 146 об.—147); «И приде к нему ту диаволь, покусити его хотя, и рече ему: „Аще еси Сынъ Божии, и проча въ Евангулии“» (л. 168 об. Курсив в тексте мой. — *И. Ф.*).

⁴⁴ См., к примеру, списки: РГИА, ф. 834 (собр. Синода), оп. 2, № 1305, л. 139 об.—142; БАН, 16.8.13, л. 147—177; РНБ, Софийское собр., № 1409, л. 86—100.

сохранил жизнь Раав и ее родным: «...сей бѣ домъ оныя блудницы Раавы, егда у стѣны жила, которая вывѣшеною вервию яко себе испроси у израильтянь от смерти и убытковъ всякихъ свободися» (л. 64).

Такого рода материал может быть интересен при определении «индекса цитат» паломнических текстов как Древней Руси, так и Нового времени, а также при рассмотрении их функций, классификации и интерпретации, что современными исследователями признается одним из продуктивных направлений в изучении различных литературных жанров Средневековья.⁴⁵

В структуре Путешествия Николая Радзивилла пересказы Писания и его сюжеты распределены неравномерно: они появляются уже в описании иерусалимского пути, но значительное их количество приходится на описание Иерусалима и паломничества в Палестину; в описании Египта таких сюжетов уже немного. Эта особенность Путешествия Николая Радзивилла продиктована маршрутом и объектами описания, избранными автором и определившими тип повествователя.

Вслед за изменением маршрута князя в Путешествии меняется и тип повествователя: если в «иерусалимской» части произведения — описании иерусалимского пути, Иерусалима и Палестины («Лист первый» и «Лист второй») — речь ведется от лица паломника, исполняющего обет, то о Египте рассказано уже от лица путешественника, интерес которого вызывают разные стороны действительности, а «искусство видеть» не задано сакральной историей посещенных мест. В традиционном «хождении» повествователь — благочестивый паломник, согласно средневековому этикету, особенно ярко проявившемуся в старших памятниках, представляющий себя как «худого и многогрешного». Хождения Василия Познякава и Трифона Коробейникова, Проскинитарий Арсения Суханова и текст Первой редакции Хождения Василия Гагары внесли коррективы в этот образ, трансформация которого продолжилась в Петровское время, когда в повествователе Хождения Иоанна Лукьянова, как отмечают его исследователи, проявилась «двойственная природа» «рыцаря православия» и «мелкого плута, с гордостью выставляющего напоказ свои проделки».⁴⁶

В Путешествии Николая Радзивилла повествователь-паломник проявляется не только в сосредоточенности автора на святых местах и палестинских реликвиях, переживании евангельских воспоминаний, рождаемых святым городом, участии в паломнических процессиях и

⁴⁵ См. об этом: *Гардзанини М.* Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 30. На наш взгляд, продуктивным для такого типа исследования будет и сравнение библейских цитат средневековых «хождений» с памятниками византийской традиции — проскинитариями, близкими им хронологически.

⁴⁶ *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* Житие и хождение Иоанна Лукьянова. С. 419.

в богослужении иерусалимской католической церкви,⁴⁷ но и в скрупулезно отмечаемом князем количестве лет, за которые отпускаются грехи паломникам, посетившим ту или иную святыню,⁴⁸ чего не знала православная паломническая традиция. Однако уже в этой части Путешествия происходит расширение традиционного для паломнического текста повествовательного поля: в свой рассказ о святом городе и его окрестностях князь вносит бытовые сценки, участником которых оказался он сам или его спутники, этнографические зарисовки, описание жизненных коллизий встреченных на этом пути людей и замечания автора о своем участии в их судьбе,⁴⁹ — т. е. появляется тот аспект повествования, который станет преобладать в «страноведческой» части текста, посвященной путешествию по Египту.

Обратим внимание и на то, что в «иерусалимской» части повествования Николая Радзивилла получила разработку тема турецкого владычества в Святой Земле и притеснений христиан, что в XVI в. в Хождениях Василия Познякава и Трифона Коробейникова еще лишь кратко упоминалось, в последующее же время паломники стали уделять этой теме значительное внимание. Поэтому с этой точки зрения содержание Путешествия оказалось актуальным и созвучным Хождениям позднего

⁴⁷ В «иерусалимской» части Путешествия такого рода сообщения Николай Радзивилл приводит регулярно: «Бѣ тогда канонъ дни Петра и Павла апостоловъ; и ночь тую тамо на молении препроводихомъ. После полунощи пѣша утреню, ранняя обѣдня бѣ у Гроба Господня, а соборная бѣ на горѣ Кольварии у олтаря католиковъ, на томъ мѣстѣ Господа ко кресту жидове прибывали. И тамо причастившись Тѣла и Крове Христовой, по обѣдни ко Гробу Господню входу вели...» (л. 44—44 об.); или: «Зѣло рано божественной литургии отслушавъ и причастився Святыхъ Таин, выѣхали из веси Вифлеема...» (л. 57 об.). В «хождениях» сведения об участии паломников в богослужении иерусалимской церкви приводятся крайне редко: об этом лаконично говорится в Хождении Василия Познякава: «Служиль же потриархъ божественую литургию самъ у Николы чудотворца всѣмъ соборомъ» (Хождение купца Василия Познякава по святымъ местам Востока. С. 16). Критические сообщения об этом содержит Проскинитарий Арсения Суханова, в задачу которого входило наблюдение и описание греческих обрядов.

⁴⁸ «Сей предѣль, гдѣ явися Христось пресвятой Матери своей, католикомъ подлещить и имѣть совершенное прощение...» (л. 35 об.); о Темнице Иисусовой в храме Гроба Господня сказано, что «той предѣль есть языка греческаго людемъ данный, имѣть седмъ лѣтъ прощения» (л. 35 об.); а в «предѣле Обрѣтения креста Господня есть олтарь великий, католицкий, имѣя полное прощение» (л. 35 об.); также и Камень миропомазания имеет «прощение (...) полное» (л. 37 об.), а придел поругания храма Гроба Господня «имать прощения седмъ лѣтъ» (л. 36 об.). Об этом также см. на л. 37 об.—42 об., 49—53, 54, 55 об., 56—57, 59, 63 об., 65, 67 об., 77, 82.

⁴⁹ Отметим здесь рассказ о столкновении на улице Иерусалима слуги князя Михаила Конарского с турками (л. 51 об.), рассказ о наеме араба-проводника до Мертвого моря (л. 60—60 об.), замечание князя о «черном мурине», собирающем соль на берегу Мертвого моря (л. 62 об.—63), историю о нападении на паломников арабов и спасении от них странников проводником (л. 65 об.), а также рассказ об откупе паломников в Раме, на которых донес некий Махомет, «неучтивый и лукавый челоуѣкъ» (л. 80).

Средневековья — Василия Гагары, Ионы Маленького, Арсения Суханова и Василия Полозова, а также писателей-паломников раннего Нового времени.⁵⁰

Расширение повествовательного поля в восточнославянской паломнической литературе начинается с XV в. — с Хождения иеродиакона Зосимы, в котором впервые проявилась личность паломника и появились сведения, касающиеся особенностей паломничества и переживаемых богомольцем на этом пути трудностей, а также описания памятников материальной культуры (церковь Св. Софии в Константинополе, памятники Юстиниана и Константина и Елены, Змеиная колонна и ипподром).⁵¹ Однако активное формирование разностороннего описания действительности в «хождениях», изменившее ее «плоскостное изображение на многомерное»,⁵² приходится на XVII в. и было продолжено в следующем столетии, когда в паломнических текстах наряду с описаниями святынь и реликвий христианского мира предметами изображения становятся быт и нравы посещаемой страны, сопровождаемые анализом исторической

⁵⁰ Реализуется эта тема и у князя Радзивилла, и у восточнославянских паломников через набор определенных сюжетов: описание обряда «потурчения» христиан (см. л. 83 об.—84 об.), сообщения о трудностях доступа богомольцев к некоторым христианским святыням, оказавшимся в руках турок (сообщения «хождений» о почитании мусульманами гроба Богородицы в Гефсимании, Вифлеемской пещеры и места Вознесения могут пополнить сведения Радзивилла, отметившего особое отношение турок к Гефсимании: «...турки сами зовуть сей градъ святымъ градомъ и зѣло прилѣжно сей оберегаютъ, чтобъ прежняя древность не погибла» (л. 43)); почитание кладезя Богородицы в селении Вифсагур (л. 57) и дома Тайной Вечери, т. к. турки верят, «что тамо бѣ имъ с небесъ Духъ Святыи посланъ» (л. 67)). Можно думать, что такие сведения были привлекательны для древнерусского читателя, т. к. затрагивали практические моменты паломнической практики и могли быть актуальны для потенциальных богомольцев. Такого рода материал, содержащийся в «хождениях», систематизирован и описан С. А. Кириллиной (*Кириллина С. А. Очарованные странники: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI—XVIII столетий.* С. 445—466). Рассказы восточнославянских паломников о варварском отношении мусульман к христианским святыням исследовательница склонна рассматривать даже как «сквозной сюжет» «хождений» позднего Средневековья и XVIII столетия (Там же. С. 444).

⁵¹ *Прокофьев Н. И. Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину* (текст и археографическое вступление). С. 13—14. Хождение Зосимы, на наш взгляд, может быть рассмотрено как тот памятник восточнославянской паломнической литературы, с которого началось «расшатывание» жанрового канона, ярко проявившееся в «хождениях» XVI в., где трансформация не столько происходила в рамках этой жанровой формы, сколько была привнесена в него извне, с проникновением элементов другой жанровой разновидности — посольского отчета. Эта тенденция продолжилась и в следующем веке, активно проявившись в Проскинитарии Арсения Суханова, в котором статейный список и «хождение» существуют как самостоятельные жанровые разновидности, объединенные под одним названием, что дает возможность анализировать каждую часть Проскинитария как самостоятельный памятник, но в то же время — и как элемент уникального для паломнической литературы Средневековья жанрового конгломерата.

⁵² *Травников С. Н. Путевые записки Петровского времени: Поэтика жанра.* С. 13.

действительности (сведения исторического, географического, экономического, искусствоведческого характера).⁵³

Во многом, по мнению исследователей, этому способствовало влияние на «хождения» других жанровых разновидностей, оформившихся в XVI в. (помимо уже названных статейных списков, это еще и «отписки» землепроходцев и так называемое «светское хождение»), для которых характерно более разностороннее изображение действительности, чем в традиционном паломническом тексте, хотя всем этим жанровым разновидностям свойственны однотипные стилистическая система и структурные части.⁵⁴ Не стоит забывать и о внелитературных факторах — изменении условий паломничества и мотивации к богомолью, которые также определяли изменения привычного содержания «хождений».

Трансформация жанра отразилась еще на одной стороне паломнического текста: традиционное «хождение» моногласно, но в начале XVIII в. в него проникает полифония, что можно связать с влиянием формы статейного списка, т. к. впервые «чужой» голос в паломническом тексте зазвучал в памятниках XVI в., когда в Хождениях Василия Позняка и Трифона Коробейникова кратко был передан рассказ о встрече послов с Александрийским патриархом Иоакимом, оформленный в традиционной для статейных списков вопросо-ответной форме, и со слов патриарха были записаны повести о притеснении христиан. В этом отношении интересна ситуация с Проскинитарием Арсения Суханова, в статейном списке которого значительное место отведено прениям о вере, включающим и «речи» собеседников Арсения, а во второй части памятника, выполненной в характерной для «хождений» манере, сохраняется авторское моногласие, осложненное монологами или диалогами библейских персонажей.⁵⁵

Следующий в порядке хронологии восточнославянской паломнической литературы памятник — Хождение Иоанна Лукьянова: в нем «чужое слово» представлено не только в виде диалогов, посвященных обсуждениям «чистоты» веры, но и «речей» разных людей.⁵⁶ В Путешествии

⁵³ Эта особенность содержания паломнического текста начинает привлекать к нему внимание как к культурно-историческому источнику (см.: *Кириллина С. А.* Очарованные странники: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI—XVIII столетий. С. 9).

⁵⁴ См.: *Прокофьев Н. И.* Литература путешествий XVI—XVII веков // Записки русских путешественников XVI—XVII вв. / Сост., подгот. текстов, коммент. Н. И. Прокофьева. М., 1988. С. 5—22.

⁵⁵ См.: Проскинитарий Арсения Суханова. С. 176—177, 190—192.

⁵⁶ См. такого рода примеры в главе Хождения Иоанна Лукьянова, называемой «Описание греческого устава и поступокъ внешнихъ и духовныхъ, и како они с турками в соединении пребываютъ, и какихъ они поступокъ турецкихъ держатся» (Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. С. 48—50). Отметим также беседу

Николая Радзивилла автор не только постоянно отмечает, от кого было услышано то или иное сообщение или рассказ,⁵⁷ но и «открывает» свое описание для «чужого» голоса: проводников, итальянских и индийских купцов, случайных попутчиков и исторических персонажей.

* * *

Установка П. А. Гильтебрандта на сравнение Путешествия Николая Радзивилла с близким ему по времени Хождением Трифона Коробейникова была предложена еще до того, как стало известно о неоригинальном характере последнего и о его зависимости от Хождения Василия Позняка.⁵⁸ Сходство и различия между Путешествием польского князя и отчетом царского посла определены целым рядом моментов: принадлежностью авторов разным культурам и конфессиям, жанровыми особенностями текстов произведений и историей создания Хождения Трифона Коробейникова,⁵⁹ мотивами их поездок и стоявшими перед авторами задачами. На конкретных примерах сходство памятников и различия между ними были показаны при анализе «иерусалимской» части Путешествия Николая Радзивилла, проследить их можно и по комментариям к тексту произведения.

Несмотря на то что приведенными подробностями и фактическими сведениями описание Радзивилла превосходит рассказ его московского современника, предположение П. А. Гильтебрандта о том, что Хождение Трифона Коробейникова может дополнить Путешествие, имеет основание в отношении Синая, который Радзивилл не посетил («страха ради от поганыхъ и разстояния не всякъ ходить» (л. 55 об.)), — в Хождение же Коробейникова рассказ о нем вошел через Хождение Василия Позняка.⁶⁰ При этом и в Хождении Коробейникова, и в Путешествии Радзивилла отсутствуют описания Назарета — места Благовещения — и Мам-

Лукьянова с русскими невольниками, с которыми паломник общался в Царьграде (Там же. С. 45, 47).

⁵⁷ В некоторых случаях Радзивилл использует неопределенное местоимение «нѣкий» («нѣцыи изъявляютъ» (л. 79)), лишаящее рассказ конкретики, но устанавливающее некоторую дистанцию между повествователем и сообщением.

⁵⁸ Об этом см.: Хождение Трифона Коробейникова. С. XXXI. Противоположную точку зрения высказал в 1901 г. М. В. Рубцов (*Рубцов М. В.* К вопросу о «Хождении» Трифона Коробейникова в Св. Землю в 1582 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. № 4 (апрель). С. 5).

⁵⁹ При сопоставлении Хождения с Путешествием стоит учитывать тот момент, что на текст книги Трифона Коробейникова через Хождение Василия Позняка опосредованно влиял текст греческого проскинитария, что определило тип повествования в обоих Хождениях XVI в.

⁶⁰ Похождение в Землю Святую князя Радвила Сиротки. С. XI.

врийского дуба, который, как признался Радзивилл, он не смог посетить из-за опасного пути (см. об этом на л. 57 об.). Отсутствие описаний этих почитаемых в христианстве святых мест в Хождении Трифона Коробейникова, возможно, определено особенностями используемого автором источника,⁶¹ но, быть может, отражает и реальный маршрут царского посольства 1582 г.⁶² И Назарет, и Мамврийский дуб восточнославянские паломники посещали и описывали со времен игумена Даниила, рассказ которого о Мамврийском дубе был использован одним из редакторов Хождения Трифона Коробейникова, интерполировавшим его в текст Простой полной редакции этого памятника.⁶³ Этот пример также свидетельствует в пользу уже отмеченной нами неоднородности содержания средневековых «хождений» и необходимости описания их с этой точки зрения.

Сравнивая Путешествие Николая Радзивилла с «хождениями», примем во внимание мнение одного из его читателей, знакомого с восточнославянской паломнической литературой. Такую возможность предоставляет нам описание паломничества второй половины XVIII в. архимандрита Леонтия (Зеленского): его многотомный труд сохранился в собрании Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Архимандрит Леонтий считал, что по охвату действительности и подробностям описания Путешествие Николая Радзивилла превосходит даже Странствование Василия Григоровича-Барского, на которого ориентировался архимандрит, подражая ему в описании собственного паломничества и именуя себя «Младшим Григоровичем»: «Я вхожу во Иерусалимъ въ качестве поклонника, а не землемѣра, слѣдовательно, вы тщетно станете ожидать отъ меня подробнаго извѣстiя объ Иерусалимѣ, что можете получить сверхъ другихъ правдописателей отъ старшаго моего брата Василия Григоровича и обстоятельныѣ отъ князя Радивила, ибо я доношу вамъ лишь о томъ, чего кромѣ меня никто не описаль, по крайней мѣрѣ, мы не читывали».⁶⁴

⁶¹ Напомним о том, что и в Хождении Василия Познякова не содержится описания этих святых мест, хотя в тексте «Поклоненья св. града Иерусалима», использованного этим Хождением, Назарет отмечен: «А от горы Фаворскыя на западную страну Назарет, гдѣ благовѣсти архангель Гаврил к Девицѣ чистѣй» (Голубцова М. А. К вопросу об источниках древнерусских хождений во Святую Землю. С. 54).

⁶² Реальность совершенной Трифоном Коробейниковым поездки в Святую Землю была аргументированно доказана Н. И. Прокофьевым (см.: Прокофьев Н. И. Литература путешествий XVI—XVII веков. С. 15).

⁶³ Очевидно, под влиянием Хождения игумена Даниила редактор Хождения Трифона Коробейникова выделил сделанную им в текст вставку в главу «О дубѣ Мамврийстемъ» (см.: Хождение Трифона Коробейникова. С. 35, примеч. 2).

⁶⁴ АВПРИ, ф. 152 (Библиотека Азиатского департамента), оп. 505, д. 4 (Т. 1). С. 109 (курсив в тексте мой. — И. Ф.). Паломничество архим. Леонтия, выходяща из полтавско-

Если в репертуаре восточнославянской паломнической литературы искать произведение, которому типологически близко Путешествие Николая Радзивилла, то, на наш взгляд, нужно обратить внимание на памятники позднего Средневековья — современники древнерусского перевода описания польского князя, — в текстах которых проявилась трансформация формы канонического «хождения» и его содержания. Соответствует этой установке Хождение Василия Гагары и первые две части Проскинитария Арсения Суханова. Однако еще большее сходство Путешествие обнаруживает с Хождением Иоанна Лукьянова, генетически связанным со средневековым типом паломнического текста и открывающим корпус памятников Петровского времени — новой фазы в развитии восточнославянского «хождения» и времени, когда продолжали переписывать древнерусский перевод Путешествия Радзивилла. Сходство этих памятников определено *типом* культуры, которой принадлежали оба автора: несмотря на то что они жили и посещали Святую Землю в разные исторические эпохи, их объединяет культура этих эпох — барокко.⁶⁵

го Крестовоздвиженского монастыря, относится к 1763—1766 гг. Рассказ о богомолье занимает три тома многотомной автобиографии «Младшего Григоровича», хранящейся в собрании АВПРИ. Можно думать, что Путешествие Николая Радзивилла было известно ему по изданию 1787 г., т. к. составление его описания связывается исследователями с ориентацией на Странствование Василия Григоровича-Барского, с которым архим. Леонтий был знаком по изданию В. Рубана 1778 г. (об этом см.: *Дмитриевский А. А.* [Рец. на кн.]: Попов А. П. Младший Григорович: Новооткрытый паломник по св. местам XVIII в. Кронштадт, 1911 // *Дмитриевский А. А. Деятели Русской Палестины / Сост. и автор предисл. Н. Н. Лисовой.* СПб., 2010. С. 447). Отметим, что А. П. Попов, обнаруживший описание отца Леонтия, использованный им круг источников не охарактеризовал. Подробность и фактографичность содержания Путешествия Николая Радзивилла способствовали появлению в науке мнения о том, что свой путевой дневник князь замыслил как «практический путеводитель для последующих паломников-поляков»; см.: *Antologia pamiętników polskich XVI wieku.* S. LXXXV.

⁶⁵ В рамках стиля барокко латиноязычная версия Путешествия Николая Радзивилла и ее польскоязычный перевод рассматриваются в полонистике (*Hernas C.* *Varok.* Warszawa, 1998. S. 159—160). «Барочный» тип сознания князя Радзивилла проявился не только в тексте его путевого дневника, но и в той градостроительной деятельности, которую он развернул в Несвиже: возведенный им по возвращении из паломничества храм во имя Божьего Тела (Фарный костел), по оценке специалистов, — первый памятник архитектуры стиля барокко не только в Великом княжестве Литовском, но и в Восточной Европе (см.: *Баженова О. Д.* Радзивилловский Несвиж: Росписи костела Божьего Тела. Минск, 2007. С. 8). Напомним о том, что Хождение Иоанна Лукьянова как памятник паломнической литературы эпохи барокко охарактеризован в работах С. Н. Травникова и Л. А. Ольшевской (см.: *Травников С. Н.* 1) «Хождение» Иоанна Лукьянова как явление русского демократического барокко // *Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Вопросы метода и стиля.* Л., 1984. С. 3—12; 2) *Путевые записки Петровского времени: Поэтика жанра.* С. 5—15; *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* Житие и хождение Иоанна Лукьянова. С. 413—425).

Как известно, единство развития славянских литератур (в плане синхронии) отсутствовало, а тип культуры изменялся сообразно развитию общества в целом. Поэтому многое из того, что было актуально для словесности развитой Польши XVI в., литературный быт Московской Руси в силу условий развития страны осваивал позднее, во второй половине XVII в.

В польской культуре XVI век стал «золотым веком» — эпохой польского Возрождения. В конце этого столетия в словесной культуре Польши появляются черты, характерные для стиля барокко: склонность к контрастам, соединение противоречивых элементов, средневековых представлений с новыми. Однако вопрос о времени возникновения барокко в польской культуре, как и в славянских литературах вообще, окончательно исследователями не решен. Одни относят его возникновение к последней четверти XVI столетия (называются 80-е гг.), другие отодвигают период Возрождения на первые десятилетия XVII в.⁶⁶ Бесспорно одно: в это время польская литература обогащается новыми чертами, ее развитие усложняется, что и обусловило появление неоднозначных оценок этого периода в науке.

Укрепление экономического и политического положения России в середине XVII в. отразилось и на литературном процессе. Его развитие в этот период определяется такими явлениями как раскрепощение личности, секуляризация литературы и ее тяготение к просветительству, усиление чувства авторской собственности; происходит также расширение социальной среды писателей и читателей; традиционные жанры Средневековья уживаются с новыми формами литературы (силлабическое стихотворство, переводной рыцарский роман, драматургия); развивается книгопечатание. Одно из явлений культуры Московской Руси этого времени — барокко. На русской почве оно возникло при посредстве польско-украинско-белорусского влияния⁶⁷ и играло особую роль

⁶⁶ Подробнее о польском барокко см.: *Hernas C. Barok*; там же см. библиографию вопроса (s. 631—677).

⁶⁷ Вопрос о времени проникновения барокко в русскую культуру, как и время его возникновения в культуре Польши, не получил однозначного разрешения в литературоведении. Так, А. С. Демин усматривает черты барокко в древнерусской словесности уже в первой половине XVII в. (*Демин А. С. Фантомы барокко в русской литературе первой половины XVII в. // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII — начала XVIII в. М., 1989. С. 27—42*). Б. В. Сапунов связывает возникновение стиля барокко как «феномена русской книжной культуры» с 1654 г., «когда было провозглашено воссоединение Украины с Россией» (*Сапунов Б. В. Московское барокко — феномен русской книжной культуры XVII в. (По описям библиотек и владельческим припискам на книгах) // Книга: Исследования и материалы. М., 1989. Сб. 57. С. 72*). Но, как правило, исследователи, изучающие это культурное явление (Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Л. И. Сафонова), говорят о литературе второй половины XVII столетия.

в развитии отечественной литературы.⁶⁸ Приняв на себя функции Ренессанса, барокко прививало русскому обществу идеи Возрождения, а потому носило более позитивный характер, чем в Западной Европе.⁶⁹ Стиль барокко оказал воздействие не только на русскую силлабическую поэзию, драматургию, но и на прозаические жанры, среди которых — интересующая нас форма «хождений».⁷⁰

Так, А. А. Морозов склонен объяснять интерес к «чюдесам», проявившийся уже в тексте Хождения Василия Гагары (1634—1637 гг.), «фантомами барокко».⁷¹ А влияние барокко на путевые записки Петровского времени, по наблюдениям С. Н. Травникова, столь сильно, что исследователь назвал корпус таких текстов «литературной кунсткамерой».⁷²

«Кунсткамерность» стиля как одна из его характерных черт также способствовала расширению объектов описания в паломническом тексте и его беллетризации. По мнению исследователей, реализуется она в интересе авторов к «необычности увиденного»,⁷³ коллекционировании «диких» далеких стран. В Путешествии Николая Радзивилла такого рода «коллекционирование» можно интерпретировать двояко. С одной стороны, оно проявилось в интересе повествователя к «диковинам» чужих стран, которые князь старательно описал на страницах своего путевого дневника. Спектр таких описаний широк: его интересовали непривычные для европейца костюмы местных жителей (л. 23 об.) или, напротив, их отсутствие (см. л. 123), обычаи (см., к примеру, описания египетской

⁶⁸ Об этом см.: *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 212.

⁶⁹ Гуманистическим по духу было и западнославянское барокко, под воздействием которого формировалось русское барокко, см.: *Софронова Л. А., Липатов А. В.* Барокко и проблемы истории славянских литератур и искусств // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 6. В свете рассматриваемой нами проблемы бытования переводного памятника на русской почве напомним, что со стилем барокко связано появление в XVII в. множества переводов с одного языка на другой: «Межнациональные контакты играют в барокко очень большую роль. Это стиль, который (...) был способен „переливаться“ из одной социальной среды в другую, из одной страны в другую» (*Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII вв. С. 208). Таким образом, эту особенность стиля эпохи можно рассматривать как одну из причин перевода Путешествия Николая Радзивилла на русский язык именно во второй половине XVII в.

⁷⁰ См., к примеру: *Травников С. Н.* «Хождение» Иоанна Лукьянова как явление русско-го демократического барокко. С. 3—12. Напомним также о том, что латиноязычная версия Путешествия и ее переводы на польский и немецкий язык получают тиражирование и широкое распространение именно в XVII в. — во время развития европейского барокко. Стремление путешественников к описанию экзотики, как одно из проявлений стиля барокко, отмечает и А. Сайковский, см.: *Saikowski A.* Nad staropolskimi pamietnikami. Poznań, 1964. S. 86—115 (особенно s. 87).

⁷¹ *Морозов А. А.* Заметки о «Хождении» Василия Гагары. С. 145—150.

⁷² *Травников С. Н.* Путевые записки Петровского времени: Поэтика жанра. С. 9.

⁷³ Там же.

свадьбы (л. 122 об.—123) или «погребателного чина» (л. 154)), особенности общественно-социального института (описание невольничьего рынка (л. 112—112 об.), рассказы о «нырках» — воришках, промышленяющих разбоем на воде (л. 95 об.)), а также «необычные» люди и их судьбы (к примеру, рассказ о «славном-разбойнике» Аборисе (л. 28—28 об.) или история «польки, нѣкой Дарьи Секѣрецки» (л. 39 об.—40)), «диловины» местной флоры и фауны (обратим внимание на описания Радзивиллом банана (л. 26 об.) и хамелеона (л. 77 об.), хотя подобные замечания рассыпаны по всему тексту). Подчеркнем, что такого рода материала более всего содержится в описании Египта. Впечатление, вызванное своеобразием страны, передает употребляемое повествователем для характеристики описываемых явлений обозначение «чюдеса» (л. 96, 108). Характерно оно и для «иерусалимской» части Путешествия, но там природа его использования иная: князь подчеркивает, что на Святой Земле проявляются «божественные чюдеси» или «чюдеси Господня» (см., к примеру, л. 54 об., 57 об., 76).

С другой стороны, во время своего паломничества-путешествия князь активно занимался собиранием «коллекции» для зверинца в Несвиже, что также можно рассматривать как черту культуры барокко, отразившейся и в представлениях того времени об устройстве дворцового сада и аристократического заказника.⁷⁴ В Путешествии сообщается о том, что из поездки для устройства зверинца Николай Радзивилл привез «два бабры, двѣ мыши фараоновы <...> кошку, которая мкусъ творить», а также «два кинокефалы, звѣри» и попугаев; не довез князь до Несвижа «малыхъ морскихъ кошекъ» и «три дикие козы», которые погибли «от волнь морскихъ» (л. 140).

Само понятие «кунсткамерности» и «коллекционирования чудес» в паломнических текстах можно трактовать широко, не замыкаясь только на интересе повествователя к реалиям иноземной культуры. Это явление выразилось и в описании различных ситуаций — как увиденных рассказчиком, так и услышанных от других лиц, в соединении в одном тексте рассказов о вечном и «высоком» и сиюминутном, тленном, но также являющемся частью паломничества, а потому для повествователя не менее актуальном, т. к. для того чтобы попасть в святые места, странникам, как следует из слов Радзивилла, нужно было преодолеть и турецкую бюрократию, и разбой арабов (см., к примеру, предысторию паломничества на Иордан, когда странникам пришлось «скинуться» «воеводѣ на подарокъ», получить турецкую охрану и только с ней пройти к святому месту,

⁷⁴ Д. С. Лихачев обратил внимание на «театральный» характер барочных садов, проявившийся в «стремлении превращать сады в своего рода кунсткамеры» (*Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст.* СПб., 1991. С. 80).

ибо «рѣдко странники ко Иордану для наймовъ великихъ и для страха от араповъ ѣздити и ходити обыкли» (л. 60)).

Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников одной из отличительных особенностей Хождения Иоанна Лукьянова как памятника эпохи барокко называют «широту охвата реальных лиц и событий, глубину проникновения в суть происходящего в России, на Украине и в странах христианского Востока» и представляют исчерпывающую характеристику этого памятника как ценного исторического источника.⁷⁵ Повествование Николая Радзивилла тоже наполнено историческими реалиями, как современными ему, так и относящимися к недалекому прошлому: князь вспоминает события 1551 г., когда турки захватили Триполи (л. 20), и завоевание в 1517 г. Османской империей Египта (л. 118), откликается на затяжную турецко-персидскую войну (л. 22, 24) и битву 1571 г. при Лепанто (л. 167); военные походы Стефана Батория, которые вспоминал князь на страницах дневника (л. 9 об.), были и частью его жизни; присутствие земляков князь отыскивал в посещенных им городах, а потому при случае вспомнил польскую королеву Бону, мать короля Сигизмунда Августа (л. 171), а также отметил реформу церковного календаря 1582 г., произошедшую по инициативе папы Григория XIII (л. 10). Эти примеры, которые не исчерпывают «историческую» тему в памятнике, с полным основанием позволяют назвать Путешествие Николая Радзивилла ценным историческим источником.

* * *

Интерес эпохи к «страноведческой» стороне содержания Путешествия, к «чужому» миру можно проследить на конкретном материале — по отрывкам из этого памятника, включенным в состав сборника первой четверти XVIII в. РНБ, собр. А. А. Титова, № 3931.⁷⁶ В нем помещено 10 отрывков, последовательно извлеченных из Второго и Третьего «листов» древнерусского перевода Путешествия. Из-за незначительного объема выписок (как правило, он не превышает четырех рукописных строк при

⁷⁵ Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. С. 410—413. Стоит напомнить, что в «хождениях» старшего периода такого рода информация появляется редко: можно вспомнить реплики Даниила об оказываемых ему знаках внимания от короля крестоносцев Балдуина I и паломничестве с ним к Мертвому морю, или Хождение Игнатия Смольянина в Царьград, интересное сведениями о русско-византийских отношениях конца XIV в.

⁷⁶ Подробно выписки из Путешествия Николая Радзивилла в составе сборника Титов. 3931 были рассмотрены нами в статье: Федорова И. В. «Путешествие в Святую землю и Египет князя Николая Радзивилла» в составе энциклопедического сборника (РНБ, Титов. 3931). С. 320—329.

формате рукописи в 8-ю долю листа) установить редакцию текста, с которой работал переписчик, затруднительно, но само содержание выписок в свете восприятия содержания памятника читателями XVII — нач. XVIII в. представляет несомненный интерес.⁷⁷

Записи, включенные в сборник Титов. 3931, характеризуют упорядоченность и логичность, все отрывки содержательно полноценны, им не свойственна хаотичность изложения. Судя по содержанию, внимание переписчика в тексте Путешествия Николая Радзивилла привлекли самые разные известия. Так, в первых шести фрагментах приводятся сведения о священниках-иезуитах, попутчиках Радзивилла, посланных папой Григорием XIII для проповеди в Сирию (л. 45); далее читается сообщение князя о службе в костеле Св. Тита в Кандии; за ним — рассказы о друзьянах и спасении в Триполи паломников проводником-янычаром от разбушевавшихся местных жителей, враждебно настроенных к христианам. Из «иерусалимской» части памятника сделана выписка о положении горы Сион относительно Иерусалима (л. 46—46 об.). 7—10-й отрывки содержат выписки из «Третьего листа» Путешествия, посвященного Египту: отрывок на л. 46 об. передает описание морской бури, в которую паломники попали на пути к Египту; на л. 46 об.—51 об. помещена выписка об устройстве инкубатора, после которой читается сюжет о воде и

⁷⁷ Отметим здесь особенности бытования древнерусского перевода Путешествия в русской книжности: перевод распространялся в виде отдельных списков, а не в составе сборников, что лишает нас возможности привлечь к анализу «конвой» произведения, рассмотрение которого могло бы дать дополнительный материал для реконструкции его восприятия. Сошлемся на продуктивный анализ «конвоя» Хождения игумена Даниила, позволивший М. А. Веневитинову показать изменения в восприятии памятника в разные эпохи (*Веневитинов М. А. Хождение игумена Даниила в Святую землю в начале XII ст.* С. 64—84). Два сборника, в состав которых помещено Путешествие (а помимо сборника Титов. 3931 это еще и рассмотренный ранее кодекс ГИМ, Синодальное собр., № 529), не дают возможности отследить какое-либо движение в восприятии этого переводного памятника, но позволяют отметить следующий факт. В обоих случаях рядом с Путешествием помещается Проскинитарий Арсения Суханова — с той разницей, что в Титовском сборнике читается первая часть Проскинитария (л. 29—40), обрывающаяся на сообщении: «От самого Царяграда даже до Иракии а все поле, лѣсу нѣту» (она предшествует выпискам из описания князя), а в Синодальном — читаются первые две части Проскинитария, помещенные после Путешествия (л. 188—277). Еще один момент: в сборнике Титов. 3931 между выписками из Путешествия на л. 48—49 помещен переработанный фрагмент из описания иерусалимского пути Хождения игумена Даниила, сокращенный до формы дорожника (нач.: «От Мирь града до Хилиа 6000 версть. А от Хилиа до Кипра острова великаго 220 версть»; кон.: «От Яфа посуху до Иерусалима 20 версть»), — это ранее не учтенный список памятника XII в. На наш взгляд, символичным является то, что в составе сборников с Путешествием Николая Радзивилла помещены именно эти памятники XII и XVII вв.: Проскинитарий Арсения Суханова отражает своеобразие изменений, происходящих с каноническим «хождением», с каковым в эпоху Средневековья ассоциировалось Хождение игумена Даниила.

рыбах Нила (л. 51 об.); последняя выписка из Путешествия рассказывает о моровых поветриях в Египте (л. 51 об.—50).⁷⁸ Таким образом, можно заключить, что книжника заинтересовали в Путешествии сведения, не характерные для традиционного «хождения».⁷⁹

Пространность и фактографичность содержания Путешествия Николая Радзивилла давали читателям возможность удовлетворить интерес как к «экзотике» дальних стран, так и к традиционным для паломников описаниям. В этой связи обратим внимание на владельческие записи в рукописях, содержащих Путешествие, — РНБ, Q.IV.301 и РГБ, ф. 722 (Собрание единичных поступлений), № 57, — свидетельствующие о том, что их читателей интересовала в описании Радзивилла именно «иерусалимская» часть. В рукописи Q.IV.301 на ней акцентирует внимание запись конца XVII — нач. XVIII в., помещенная на форзаце: «Книга *Похождение во Иерусалимъ* Христофора Радивила. Зело полезно»; содержательно близка ей и приписка, читающаяся на нижней переплетной крышке рукописи РГБ, ф. 722 (Собрание единичных поступлений), № 57: «Странникъ. Описание путешествия *съ описаниемъ многихъ городовъ въ Иерусалиме*». Напомним о том, что оба списка передают текст Паломнической редакции, в который, вслед за Основной редакцией, не вошли маргиналии оригинала, комментирующие или поясняющие рассказ князя о Египте, — возможно, потому, что переводчица не увлекла эта «страноведческая» часть памятника. Включение в текст Паломнической

⁷⁸ Последние два отрывка читаются на перевернутых листах тетради, отсюда их нумерация в нисходящем порядке. Обратим внимание на то, что сборник Титов. 3931, принадлежащий коллекции известного ростовского собирателя и знатока древнерусской книжности А. А. Титова, позволяет нам обозначить «ярославско-ростовскую линию» в истории бытования древнерусского перевода Путешествия Николая Радзивилла в Новое время. Так, по описанию собрания Спасо-Яковлевского Ростовского монастыря, составленному тем же А. А. Титовым, известно, что в составе монастырской библиотеки находилась рукопись Путешествия Николая Радзивилла, которую, к сожалению, так и не удалось обнаружить. Кроме того, сохранившаяся в собрании РГБ (ф. 803. I, № 5) рукопись (рассмотрена нами как список III Основной редакции) среди владельцев Путешествия называет подканцеляриста ярославского магистрата Михаила Бухарина. Напомним также о том, что в личных собраниях ростовских митрополитов Димитрия Ростовского и Арсения Мацеевича находились польскоязычные издания Путешествия. Интерес жителей Ярославской губернии к Святой Земле и ее святыням не был только литературным, он проявился в их участии в паломническом движении XVIII—XIX вв., о чем доподлинно известно по сохранившимся описаниям таких богомолий ярославца Матвея Нечаева (паломничество 1719—1720 гг.) и крестьянина одной из деревень Ростовского уезда Ярославской губернии Якима Васильева (паломничество 1818 г.) — РНБ, собр. А. А. Титова, № 889.

⁷⁹ Сошлемся здесь на «Историю польской литературы», составленную известным польским поэтом Владиславом Сырокомлей, также выделившим в путевом дневнике князя как «наиболее любопытное» описание Египта (*Кондратович Л. (Сырокомля В.) История польской литературы от начала ее до настоящего времени. М., 1862. Т. 2. С. 48*).

редакции глосс, сопровождавших в Основной редакции рассказ князя о паломничестве по Иерусалиму и окрестностям, а также их исполнение киноварью акцентировали внимание читателя на этой части памятника. В том, что автор Паломнической редакции не проявил инициативы и не продолжил структурировать текст, описывающий путешествие по Египту, мы также склонны видеть его заинтересованность в традиционном для жанра содержании, что отразилось и в названии этой редакции Путешествия — «Книга глаголемая Странникъ Иерусалимский».

Интерес к содержанию Путешествия Николая Радзивилла проявили не только читатели его древнерусского перевода, но и соотечественники князя, знакомые с его описанием по изданиям на польском языке и использовавшие его как источник своих произведений, которые, что важно для нас, в XVII столетии были переведены в Московской Руси.

В данном случае мы имеем в виду заимствования из польскоязычного оригинала Путешествия поэта Мартина Пашковского, дополнившего ими латиноязычную версию Хроники Александра Гваньини, переведенную им на польский язык и изданную в 1611 г. Из Путешествия Николая Радзивилла редактором-переводчиком были заимствованы сюжеты на различные темы: описание крокодила, пирамид, «фиги фараоновой» и природы Нила, сведения о войне Турции с Персией, а также «несчастная притча» о ренегатстве «каплана Антона».⁸⁰ Последний сюжет был заимствован из польскоязычного издания Хроники Гваньини в памятники «антитурецкой» тематики, переведенные в XVII в. на русский язык и известные в науке как «Повесть о турках» (РНБ, Q.IV.126, РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 457) и «О турках, откуда произодоша» (РНБ, Соловецкое собр., № 322/490, Q.I.244), а также в «Скифскую историю» Андрея Лызлова.⁸¹ Этот же сюжет, но непосредственно из польскоязычного издания Путешествия, использовал в сочинении «Лебедь с пятью перьями, или Христос с пятью Божьими дарами» (1679 г.) Иоанникий Галятовский. Во второй главе произведения, в качестве иллюстрации к рассуждениям автора о причинах принятия «Махометова закона» многими народами, им приводится рассказ из описания Николая Радзивилла. К Путешествию польского князя Галятовский обратился и в «Небе новом» — сочинении, посвященном чудесам Богородицы:⁸² в него был

⁸⁰ Перечень всех сюжетов, заимствованных из Путешествия Николая Радзивилла в польскоязычную версию Хроники Александра Гваньини, см. в нашей статье: Федорова И. В. «Путешествие в Святую Землю князя Николая Радзивилла» в русской книжности второй половины XVII в. // Белорусский сборник: Статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии. СПб., 2002. Вып. 2. С. 32–33.

⁸¹ Также через Хронику Гваньини в 59-ю главу так называемой 76-главной Космографии вошло описание Радзивиллом турецкого костюма (Там же. С. 33).

⁸² Впервые издано на польском языке в 1665 г., переведено на русский язык в 1677 г.

заимствован рассказ князя о смоковнице, под которой отдыхало Святое семейство на пути к Египту.⁸³

Таким образом, знакомство читателя Московской Руси XVII в. с Путешествием Николая Радзивилла шло двумя путями: непосредственно, через распространение в литературном быту изданий на польском языке и литературную традицию древнерусского перевода с издания 1628 г., и опосредованно, через переводы «антитурецких» повестей и компиляций исторического содержания, одним из источников которых было польско-язычное издание Путешествия.

* * *

Как было показано в ходе исследования десяти списков Путешествия Николая Радзивилла, сама по себе литературная история памятника не слишком сложна. Однако, принимая во внимание рукописные традиции других «хождений» и переводных проскинитариев, а также учитывая, что выявленные редакции текста — *Основная*, *Паломническая* и *Евфимиевская* — появились за незначительное время, прошедшее с 1677 г. (предполагаемого нами времени перевода произведения) до середины 1680-х гг. — времени работы с его текстом Евфимия Чудовского, литературную историю древнерусского перевода Путешествия можно назвать и богатой, и разветвленной.⁸⁴ Специфика содержания и повествовательной манеры Путешествия определила его восприятие книжниками в традиции жанра «хождений», поэтому особенности литературной истории древнерусского перевода памятника можно, с одной стороны, объяснить спецификой работы редакторов XVII в. с оригинальными паломническими текстами, рукописная традиция которых не только свидетельствует об их интересе к каноническому «хождению», но и демонстрирует актуальность происходящего преобразования формы и расширения повествования; с другой стороны, в ней отразилась специфика работы книжников с переводными текстами, которую определила теория перевода того времени.

Диахронический подход к изучению восточнославянской паломнической литературы, примененный в работе, как нам представляется, позволил не только оценить характер редактирования текста перевода Путешествия, но и задействовать в сравнительно-типологическом анализе «хождения» старшей традиции, известные в списках XVII — нач. XVIII в. Наряду с памятниками, появившимися в XVII столетии и в раннее Новое

⁸³ Федорова И. В. «Путешествие в Святую Землю князя Николая Радзивилла» в русской книжности второй половины XVII в. С. 26—29.

⁸⁴ Напомним, что литературная история Хождения игумена Даниила оформлялась на протяжении нескольких столетий, а Хождения Трифона Коробейникова — в течение века.

время, этот корпус текстов предоставил возможность реконструировать *среду*, подготовившую появление русского перевода Путешествия Николая Радзивилла, а также проанализировать его восприятие книжной культурой Московской Руси последней трети «бунташного века».

Подводя итоги сравнительно-типологического анализа Путешествия Николая Радзивилла и восточнославянских «хождений», подчеркнем, что структурой и типом описания этот памятник близок «хождениям» позднего Средневековья и раннего Нового времени, а также тем вариантам текстов старшей традиции, которые появились в результате их редактирования в этот период. В сравнении с содержанием оригинальных памятников в описании князя приведены новые для читателя сведения, использованы непривычные понятия, что во многом определялось принадлежностью польского князя и паломников Древней Руси к различным христианским конфессиям. По этой же причине в Путешествии отсутствует ряд традиционных для восточнославянской паломнической литературы сюжетов и описаний. Таким образом, для восточнославянской паломнической литературы XVII — нач. XVIII в. Путешествие Николая Радзивилла в чем-то стало новой версией традиционного для «хождений» описания Святой Земли и Египта, однако «хождения» также в какой-то мере дополняют повествование князя. Такая взаимодополняемость, очевидно, и стала залогом гармоничного включения переводного памятника в репертуар восточнославянской паломнической литературы.

Остается надеяться, что древнерусский перевод Путешествия Николая Радзивилла и современным читателем может быть воспринят как «совершеннейшее описание (...) ко увѣдѣнью принадлежащихъ вещей».